

Александр Брагинский:

«Поеду читать верстку»

Трудно поверить, что киноведу и кинокритику Александру Владимировичу Брагинскому уже семьдесят. Он — элегантный, легкий и общительный человек. Он всегда на виду, а его статьи и переводы — на слуху. Список творческих свершений постоянно пополняется новыми книгами, рецензиями, переводами.

— Александр Владимирович, давайте начнем с самого начала. Как завязался ваш давний и столь плодотворный «роман» с Францией и французским кино?

— Это идет с детства. Отец очень любил Францию, много читал, у него была прекрасная библиотека. Но как всегда все решил случай. Однажды летом мы оказались на даче вместе с одной женщиной — учительницей французского языка, более того, настоящей француженкой. Мне тогда было пять или шесть лет. Рядом с нами жил мальчик моего возраста, и нас решили свести вместе в маленькую учебную группу. В течение трех летних месяцев мы только и делали, что говорили по-французски. Знаете, что такое детская незамутненная память?

— Это идеальная ситуация для обучения языкам.

— Да, в этом возрасте и надо учить язык. Короче говоря, приехав домой после летнего отдыха, я уже бегло говорил по-французски и спрягал глаголы, как поугай. Отныне стало ясно, что мне надо заниматься этим языком всерьез. Уже после школы поступил в Институт иностранных языков. Я хорошо говорил, очень легко объяснялся, но был неграмотен, как сапожник. Вот в институте меня научили грамоте. Спасибо им.

В 1946 году я прочитал много всего о кино во французских газетах и предложил своему приятелю, ответственному секретарю «Вечерней Москвы»: «Давай напишу о том, как зажимают бедное французское кино». В ту пору французское кино пребывало «в лапах» так называемого соглашения Блум-Бирнс. Так появилась моя первая статья. С тех пор я пишу о кинематографе. Причем не только о французском. В ту пору я был довольно нахален: моя первая статья, опубликованная в журнале «Искусство кино», была посвящена английскому кино, хотя написана по-французским источникам. Более того, я писал и о египетской кинематографии!

Моя любимая, моя дорогая Библиотека иностранных языков всегда получала французские газеты. Я извлекал из них немало информации, писал статьи, которые охотно печатали. Позже, когда был создан Союз кинематографистов, начал читать лекции — в качестве лектора объехал практически всю страну.

Параллельно — писал. Первая книжка — о Рене Клере — вышла в 1962 году в издательстве «Искусство», там же я сделал книжку о Кристиан-Жаке и о совсем забытом теперь режиссере Жан-Поле Ле Шануа. А когда-то Ле Шануа, его комедии, например, «Мама, папа, служанка и я» были у нас необычайно популярны. Одновременно переводил для того же издательства «Искусство»: сочинения Леона Муссиака, книгу Салеса Гомеса о Жане Виго, сценарии, сказки, «Обманщики» Марселя Карне, были и другие работы. В последнее время выпустил сразу три книги в ростовдонском издательстве «Феникс» в серии «Мужчина-миф» — о Жан-Поле Бельмондо, Жераре Депардье и Алене Делоне. Скоро в издательстве «Панорама» выходит моя книга о Катрин Денев, поеду читать верстку.

— А когда состоялась первое очное знакомство с «настоящими» французами, с Францией?

— Работать переводчиком с французскими делегациями я начал еще в 50-е годы. Сюда приезжал, например, Анри Ланглуа — основатель и директор французской Синаматеки, мне довелось с ним не раз поработать. Приезжал Фавр Ле Бре — в ту пору директор Каннского кинофестиваля. Оба они были знакомы с Сергеем Юткевичем, и в свою очередь это связало меня с Сергеем Иосифовичем. Мы подружались. Он много помогал мне, писал впоследствии предисловия к моим кни-

гам, был очень благожелателен. Наше знакомство невольно приблизило меня к идее поработать на кинопроизводстве. Начинались съемки советско-французского фильма «Нормандия-Неман», и я с радостью принял предложение стать переводчиком режиссера Жана Древиля. Благодаря фильму увидел кинематографический процесс изнутри. Но не только. Там снималась настоящая «банда», человек двадцать пять французских актеров, с которыми было ой как не просто! Огромная практика!

Как раз тогда я переводил сценарий Марселя Карне «Обманщики». Герои «Обманщиков» объясняются на молодежном жаргоне, и вполне естественно, что я его не понимал. Моими консультантами стали молодые французы, снимавшиеся в «Нормандии-Неман». Как они надо мной издевались, как хохотали, когда я приносил очередное непонятное слово! Жаргонных словарей тогда не было. А наша дружба с Жаном Древилем после съемок не закончилась. Я не раз бывал у него в гостях, подружился с семьей, общался и с актерами «Нормандии...». Всякий раз, когда бываю в Париже, встречаюсь с ними. Древилю, к сожалению, уже ушел из жизни.

Во время Московского международного кинофестиваля я пошел взять интервью у Кристиан-Жака, он был членом жюри. Это была взаимная любовь буквально с первого взгляда. После нашего знакомства у меня возникла идея написать книгу о Кристиан-Жаке, тем более, что он сам очень помог, прислал массу материалов, отвечал на все мои вопросы (мы вели постоянную переписку). Я переписывался и с Рене Клером, у меня хранятся его письма. Горжусь дружбой с замечательными французскими кинокритиками. С Марселем Мартемом я в давних дружеских отношениях, познакомился с Максом Тессье.

— А как вы относитесь к «легким» жанрам — в журналистике и кинематографе, вообще в искусстве?

— Кинокритика — только часть моей жизни. Другая ипостась — история кино. Но я также переводчик, перевожу просто литературу. Благодаря кино я познакомился с Себастьяном Жапризо. Он приехал на один из московских кинофестивалей в составе французской делегации, будучи уже известным писателем детективного жанра. Мы начали общаться, подружиться, Жапризо прислал мне одну свою вещь (у нас она вышла под названием «Убийственное лето»), потом другие свои произведения. И я перевел на русский язык три его детектива. Переводил и другие романы. Вот сейчас сижу за новым переводом — Доменик Руле, «Одним трупом больше». По-моему, у нас Руле не знает никто, а он уже выпустил ряд детективов. Я убедился, что никакая работа не пропадает. «Одним трупом больше» я начал переводить просто так — от руки — только для себя, а теперь, возможно, роман выпустит одно издательство.

— Вы писали о Виго, Клере, Трюффо. Это целые «континенты» мирового кино. Кто вам ближе? Может быть, Рене Клер? Ведь вы переводите его произведения постоянно, последние вещи вышли совсем недавно, в «Искусство кино», «Киносценариях», «Иностранной литературе».

— По-моему, я перевел почти все, что написал Рене Клер. Есть один фантастический роман, который я все не решаюсь предложить, кажется,

эта фантастика немного устарела.

— Не могу сказать, чтобы в моей жизни была некая центральная нить, главная идея. То, что мне было интересно в людях, в их произведениях, в их творчестве, — вот об этом я писал. А так, чтобы выработать определенную концепцию и следовать ей, — этого никогда не было.

— Как вы в свое время отнеслись к появлению «новой волны»? Не было противоречия в привязанностях?

— Нет. Хотя Клер и Кристиан-Жак из тех режиссеров, чьи фильмы «новая волна» называла «папеныным кино». В общем, изрядно испортила им всем жизнь. Кроме, пожалуй, Кристиан-Жака, сумевшего перейти на телевидение, сделать несколько телесериалов. Но несмотря на это, я с большим интересом следил за «новой волной». Люблю первый фильм Годара «На последнем дыхании» с Бельмондо. Люблю Трюффо, хотя мое мнение о нем несколько раз существенно менялось. Когда-то я называл его «человеком с пистолетом»: Трюффо-критик буквально перестреливал режиссеров своими дерзкими статьями. Полагаю, он был очень злобным кинокритиком. Когда же он стал снимать кино, а потом и играть в своих фильмах, он раскрылся как человек необычайных душевных качеств. Помните его «Дикого ребенка»? В этом своем фильме Трюффо также играет главную роль, врача, который возвращает в человеческое общество маленького французского Маугли. Его глаза! В них столько доброты!

И еще — Шаброль, ехидный, саркастичный. Мне меньше нравится его детективная серия о «Тигре», он вообще очень много работал и поэтому не все его фильмы равнозначны. Но тем не менее Клод Шаброль всегда был мне интересен. И кроме того, «новая волна» не исчерпывается этими тремя именами. Интересно начинал Пьер Каст, замечательные режиссеры Эрик Ромер, Жан Ришетт. Целая обойма прекрасных режиссеров. Очень немногие режиссеры «новой волны», что называется, «ушли в песок», ничего не оставили после себя.

— А современное французское кино? Вдохновляют ли вас новые режиссеры, фильмы, звезды?

— Все-таки — скорее огорчают. Хотя у меня есть несколько любимых режиссерских имен. В частности, Франсис Вебер, его комедийная серия с участием Рипара и Депардье: «Папаша», «Беглецы». Не состоявшийся роман Вебера с американским кино — пример того, что у

французского режиссера, пытающегося устроить карьеру в другой стране, как правило, ничего не получается. А он замечательный комедиограф, замечательный сценарист — его, собственно, и пригласили в Голливуд, чтобы он там правил комедийные сценарии. Обещали дать постановку, но кроме одного фильма, крайне неудачного (кажется, это был римейк его старой французской картины), Вебер ничего не добился. А сейчас он вернулся обратно. Недавно мы видели его фильм «Ужин с придурком». Очень смешная комедия.

— У вас есть любимые актеры, какие-то особенные киноведческие привязанности?

— У меня много любимых артистов. Когда-то я смотрел все работы Жана Габена, книжку, правда, о нем написать не удалось. Очень любил Фернанделя, Бурвиля, с последним я был знаком. Я обожал Даниэль Даррье, также был с ней знаком, она приезжала к нам на первую Неделю французских фильмов. Кстати, в качестве переводчика и журналиста я работал с «Комеди Франсез», когда этот театр был в Москве на гастролях. Люблю и тех, о ком писал. Из нынешних молодых я выделяю нескольких американских актрис, в частности, Джулию Робертс. За ней слежу очень пристально, хотя знаю, что ничего о ней не напишу.

— Вы сознательно ограничиваете себя — только французы, только французское кино?

— В этом вопросе я однолюб. Это было заложено в детстве и прошло через всю жизнь. Какое-то время я страдал оттого, что не мог попасть во Францию. Долго-долго не пускали. Когда я первый раз приехал туда, мне было уже сорок два года. А потом я начал ездить — по приглашениям, несколько раз ездил в командировки от газеты «Вечерняя Москва», где работал заведующим отделом литературы и искусства. Газета посылала меня за границу в качестве своего корреспондента и одновременно переводчика. Я ездил в Париж вместе с Большим театром, театром имени Вахтангова.

— Мне рассказывали, что в вашей биографии есть уникальный эпизод. Вы сыграли роль Жоржа Мельеса в фильме «Этюд де Люмьер»?

— «Этюд де освещением». Олег Дорман, сын известного режиссера Вениамина Дормана, пригласил меня сняться в его учебном фильме во ВГИКе. Я сначала снимался у него в маленьком эпизоде, играл старуху: меня поднимали на руки, куда-то тащили, а я скалился и злобствовал.

Но пленка была испорчена и «дебют» не получился. Это был мой первый опыт киноактерства. А уже потом я сыграл у Олега Дормана вполне серьезную роль Мельеса в «Этуде с освещением».

— А доводилось ли еще лицедействовать?

— О, да. Много играл на сцене любительского театра. Наша школа была подшефной Художественному театру, а шефом драматического кружка была Алла Константиновна Тарасова. Нашим ведущим режиссером был ныне покойный актер Николай Дмитриевич Ковшов. Мы поставили «Слугу двух господ» Гольдони и играли этот спектакль на сцене Художественного театра. В институте играл и на французском языке — в пьесах Бомарше, Мольера. А в спектакле «Без вины виноватые» привелось играть Шмагу.

Уже после войны на сцене Дома журналистов был поставлен еще один спектакль по Островскому с моим участием. В общем, я баловался этим до поры до времени. А потом началась семейная жизнь, появились новые заботы и стало не до самостоятельности. Но эта работа тоже не прошла даром. Впоследствии она помогла мне более профессионально оценивать актерские работы в кино. Может быть, не так, как это делал бы театровед, специалист по театру, но тем не менее я могу достаточно профессионально сформулировать, что мне нравится в работе того или иного актера, а что не нравится.

— Однажды вы поразили меня рассказом о том, что благодаря парижскому другу можете бесплатно ходить во все кинотеатры французской столицы...

— Этот друг — Жан Древилю. Много лет он был членом цензурного комитета. И у него была карточка, позволявшая ходить в кинотеатры сколько хочешь, причем даже вдвоем. И так как Древилю считал, что мы с ним немного похожи, то он спокойно доверял мне эту карточку. Я смотрел по четыре, по пять фильмов в день. Приезжал из Парижа с совершенно распухшей головой, но зато много чего видел. К сожалению, Древилю, который доставлял мне это удовольствие, уже два года как нет с нами. Я скоро собираюсь вновь поехать в Париж и надеюсь, что мои друзья, в том числе Марсель Мартен достанут мне так называемую «зеленую карточку» — карточку кинематографической прессы — она также дает возможность ходить в кино, к сожалению, только одному. Но зато — сколько хочешь.

— Что бы вы пожелали начинающим киноведам и кинокритикам?

— Думаю, что человеку, занимающемуся зарубежным кино, необходимо знать язык. И любить кинематограф, которым занимаешься. Любить его людей, понимать это кино изнутри, читать книги и знакомиться с большим количеством кинофильмов. Все это позволяет проникнуть в душу народа, понять ее. Я себя в Париже чувствую как дома, через несколько дней начинаю думать по-французски. Но это далось годами. Все-таки надо быть влюбленным — в страну и ее искусство.

Один из моих самых любимых фильмов — «Под крышами Парижа» Рене Клера. Впервые я увидел его в 30-е годы. Думаю, что именно с него началась моя настоящая любовь к французскому кинематографу. Сейчас у меня есть видеозапись этого фильма и, когда мне особенно грустно, я смотрю его. Недавно я принял участие в опросе «Десять лучших фильмов XX века». Я назвал в том числе и «Под крышами Парижа». Никто больше не назвал этот фильм, я остался в одиночестве. Но потом мне сказали: «Под крышами Парижа»? Очень может быть...»

Беседовала
Анастасия МАШКОВА